

УДК 94(470.41):331.1 “1941/1945”

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ТАТАРСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

А.Ш. Кабирова, кандидат исторических наук;

А.С. Бушуев, кандидат исторических наук

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для всего советского народа. Много невзгод и лишений пришлось преодолеть людям, прежде чем ожесточенная борьба с фашистами завершилась полным разгромом врага. Призыв «Все для фронта! Все для Победы!» являлся в дни войны определяющим. Миллионы мужчин были мобилизованы в действующую армию. Они с оружием в руках защищали нашу Родину в боевых сражениях. Оставшиеся в тылу их родные и близкие своим самоотверженным трудом, путем крайнего напряжения сил и человеческих возможностей, создавали мобильную военную экономику.

Война внесла серьезные изменения в трудовую политику. По-новому пришлось решать вопросы изыскания и вовлечения в промышленность и аграрное хозяйство рабочих кадров, стимулирования их трудового участия в производстве необходимой оборонной продукции. В данной статье мы предлагаем рассмотреть эти и другие аспекты взаимоотношений властных структур и населения в трудовой сфере на материалах Татарстана.

Перестройка народного хозяйства страны на военный лад началась сразу после объявления войны и осуществлялась в плановом порядке. Уже 30 июля 1941 г. Совет Народных Комиссаров СССР утвердил мобилизацион-

ный план на III квартал 1941 г. – первый план военного времени. В нем предусматривалось увеличение выпуска оборонной продукции на 26% по сравнению с квартальным планом мирного времени¹. 16 августа 1941 г. был одобрен военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири и т.д.² В соответствии с этой обширной программой были определены основные направления развития экономики, связанные с необходимостью переориентирования ее на нужды фронта, создания на востоке новых промышленных баз, дальнейшего наращивания производства вооружения и боеприпасов.

В Татарской АССР наряду с другими восточными регионами ставшей важной тыловой базой страны, вопросы создания экономического фундамента для разгрома врага также являлись приоритетными. В кратчайшие сроки работа всего народнохозяйственного комплекса республики была перестроена. Предприятия, выпускавшие гражданские изделия – фабрики «Спартак», киноплёнки, льнокомбинат, мехкомбинат, заводы пишущих машин, автогаражного обрудования, искусственных кож, кетгутный, авиационный и др. – переключились на выпуск военной продукции.

Необходимой частью перестройки общественного производства в во-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №12-11-16012а/В/2012.

енный период явилось перебазирование промышленных предприятий из зоны боевых действий в глубокий тыл. По решению Политбюро 24 июня 1941 г. был образован Совет по эвакуации, председателем которого был назначен (с 3 июля 1941 г.) Н.М. Шверник. Только во второй половине 1941 г. на Восток было вывезено оборудование более 2,5 тысяч промышленных предприятий³. Татарская АССР приняла и разместила на своей территории свыше 70 из них⁴. В том числе — крупнейшие в стране Московский авиационный, Ленинградский авиационный, Ленинградский металлообрабатывающий, Московский часовой заводы, Киевский завод зубоорудовальных боров, стеклозаводы из Ленинградской и Орловской областей, ленто-ткацкие и плетельные фабрики из Москвы, Кунцева, Клина, Ногинска, Гомельский кондитерский комбинат «Спартак» и мн. др.⁵

Главной проблемой всех промышленных предприятий в начальный период войны стало обеспечение их рабочей силой. Мобилизация в армию большого количества квалифицированных кадров буквально обескровливала предприятия. Число ушедших на фронт рабочих и служащих достигало 60–70%⁶. Перебазирование существенного числа эвакуированных предприятий в тыл страны еще более усугубляло проблему. Создавшееся в начальный период войны катастрофическое положение с кадрами следовало решать в срочном порядке.

Однако только своими силами обеспечить наполнение предприятий республики кадрами не представлялось возможным. Для того чтобы в полной мере оценить ситуацию, рассмотрим основные демографические характеристики накануне войны. Согласно переписи 1939 г. в Татарстане проживало 2 млн. 914,2 тыс. человек⁷, из них 614,3 тыс. или 21,1% составляло городское, а 2299,9 тыс. или 78,9% — сельское население. Но за предвоенные годы в демографической структуре общества произошли значительные изменения. Не

останавливаясь подробно на их причинах⁸, кратко заметим, что этому способствовали: во-первых, активно осуществлявшаяся в стране модернизация, обусловленная становлением военно-промышленного комплекса, и связанные с этим бурная переселенческая политика и практика оргнабора рабочей силы⁹; во-вторых, неорганизованный отлив (миграция) населения, особенно из сельских районов республики накануне войны, в связи с низкой урожайностью в отдельных местностях ТАССР; в-третьих, спровоцированные массовыми репрессиями конца 1930-х гг. так называемые «чистки» населения. Все это приводило к прибытию в республику граждан из других местностей и оттоку собственного населения. Например, только за 1940 год в города республики прибыло 99,3 тыс. и выбыло 93,8 тыс. человек¹⁰. В сельские районы на постоянное место жительства из других регионов прибыло 83,8 тыс., но выбыло оттуда 163,4 тыс. человек¹¹ (по некоторым данным — даже 191157 тыс. человек)¹².

Таким образом, накануне войны в Татарстане наметилась явная тенденция к сокращению численности как всего населения в целом, так и коренных жителей республики. В целом, по единовременному учету, на 1 января 1941 г. в республике числилось 2760,2 тыс. жителей, т.е. по сравнению с 1939 г. уменьшение составило фактически 154 тыс. человек¹³. Вполне очевидно, что сокращение наличного состава населения создавало дополнительные трудности и сложности с изысканием трудовых ресурсов, а, учитывая мобилизационные мероприятия в связи с началом военных действий, вообще ставила под угрозу срыва выполнение запланированных производственных объемов.

С целью решения указанных проблем, возникших практически во всех регионах страны, 30 июня 1941 г. при Совете Народных Комиссаров СССР был образован специальный Комитет по учету и распределению рабочей силы, который должен был в нелегких

военных условиях стать центром координации работы по обеспечению трудовыми резервами. Структурное подразделение данного Комитета было создано и в Татарстане. В его задачи входили: учет неработающего населения, мобилизация трудоспособных, маневрирование трудовыми ресурсами, направление их на оборонные объекты.

Функционирование такой организации в республике было тем более необходимо, что с началом войны население Татарстана существенно увеличилось. 27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывода и размещения людских контингентов и ценного имущества», а 5 июля 1941 г. — постановление «О порядке эвакуации населения в военное время», согласно которым огромные массы людей в связи с вражеской оккупацией перемещались из центральных и западных территорий в более безопасные места в тыл страны. Татарстан также принял большое количество эвакуированных. Руководил их размещением созданный 9 июля 1941 г. при Совете Народных Комиссаров ТАССР Совет по эвакуации¹⁴. В ноябре 1941 г. его руководителем был назначен заместитель председателя СНК ТАССР З.В. Тинчурин.

Первоначально решением Центрального совета по эвакуации наша республика должна была разместить 165 тыс. человек¹⁵. Но в действительности эти цифры неоднократно менялись. Несколько раз Татарстану приходилось дополнительно принимать тех граждан, которых не смогли устроить другие города. Так, в Казань прибыло свыше 300 семей работников НКВД УССР и других учреждений, имевших направление в г. Куйбышев; большое количество эвакуированных, изначально предполагавшихся разместить в городах Ульяновске и Свердловске. Подтверждением тому является сохранившаяся в Национальном архиве республики телеграмма коллегии Народного комиссариата путей сообщения в СНК ТАССР от 23 июля 1941 г., директивно требо-

вавшая: «Находящиеся в пределах дороги 2 эшелона по 60 вагонов назначением в Ульяновск, 2 эшелона по 90 вагонов назначением в Свердловск и 2 эшелона по 101 вагону назначением в Омск с эвакуанаселением разгрузить в пределах ТАССР»¹⁶.

Первые эвакуированные прибыли в республику уже в июле 1941 г.¹⁷ В этой связи в июле-августе 1941 г. состоялись специальные заседания бюро Татарского обкома ВКП(б), на которых обсуждались вопросы по приему, питанию и трудоустройству вновь прибывших. Прирост населения в городах и сельской местности, особенно в первый период войны, был весьма значителен. Достаточно сказать, что к середине августа 1941 г. в республику прибыло 163 тыс. человек¹⁸, а к весне 1942 г. — 266 тыс. человек¹⁹. В современный период историографии последняя цифра была скорректирована, т.к. введенные в научный оборот новые архивные источники свидетельствуют о том, что число эвакуированных в республику граждан было выше: согласно официальным данным, уже на 15 января 1942 г. здесь было размещено 273532 человека²⁰. Исследовательские изыскания Е.К. Кривоножкиной, скрупулезно изучившей статистические материалы по отдельным эвакуационным пунктам ТАССР, позволяют говорить о регистрации в республике на февраль 1943 г. даже 278943 человек²¹.

Как правило, квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников, прибывших с эвакуированными промышленными предприятиями, размещали в городах. Об этом свидетельствует тот факт, что население одной только Казани к весне 1942 г. выросло с 401 тыс. до 515 тыс. человек²². Оставшихся распределили по районам ТАССР.

Несомненно, эвакуированные в республику граждане в существенной степени помогли закрыть образовавшуюся в народном хозяйстве республики брешь в составе рабочей силы. Однако стратегическое решение кадрового вопроса властные структуры видели в из-

менении форм и способов осуществления трудовой политики в экстремальных условиях военного времени, в связи с чем существовавшая на тот период в советском государстве нормативно-правовая база в области трудовых отношений была в значительной мере переработана.

Начало этому процессу положили принятые в СССР чрезвычайные законы, предусматривавшие изменение режима труда и высвобождение дополнительного рабочего времени. Здесь уместно напомнить, что процесс регулирования трудовых отношений начался еще в довоенное время. Уже 26 июня 1940 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР был осуществлен переход на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю, под угрозой уголовной ответственности запрещался самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Вводилась уголовная ответственность не только за самовольный уход, но и за прогулы, опоздания²³. Отсутствие экономических стимулов к труду руководство страны пыталось компенсировать репрессивными мерами.

Позже «драконовские меры» в сфере трудового законодательства еще более ужесточились. Указом от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» Президиум Верховного Совета СССР предоставлял директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли право устанавливать с разрешения СНК СССР обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день с оплатой в полуторном размере. Очередные и дополнительные отпуска отменялись, они были заменены денежной компенсацией, которая переводилась в сберегательные кассы в качестве замороженных на время войны вкладов²⁴. Реализация данного Указа позволила увеличить количество рабочих дней в 1941 г. до 284,31 против 269,81 в 1940 г., а праздничных и

выходных, наоборот, сократить с 63,98 до 50,90 соответственно²⁵.

Источниками трудовых резервов в республике являлось так называемое трудоспособное население. Первоначально его возрастные границы были определены в пределах от 16 до 55 лет (для мужчин) и до 45 лет (для женщин), для колхозников – на 5 лет больше²⁶. Но в действительности государство поощряло приход на производство граждан и более старшего, а затем и более юного возраста. В последующем руководящие органы страны в законодательном порядке закрепили расширение границ официально признаваемого трудоспособным населения. Например, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1942 г. возрастной ценз для женщин, привлекаемых к трудовой мобилизации, был увеличен до 50 лет²⁷, а постановлением СНК СССР «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества» от 21 мая 1942 г. разрешалось принимать на производство лиц, достигших 14-летнего возраста²⁸.

В основной своей массе в промышленность республики вовлекались женщины, подростки, лица пенсионного возраста. В начальный период войны широко практиковался добровольный приход граждан на предприятия, актуализировались лозунги «За себя и за своего товарища», «В тылу как на фронте». Только в первые два дня войны на Бондюжский завод пришли более 200 домохозяек, на Казанский меховой комбинат за июнь-август 1941 г. поступило более 606 женщин, около 200 пенсионеров. Большое значение стала иметь система надомничества. В июне 1941 г. свое желание помочь производству на дому выразили более 300 человек, подав соответствующие заявления²⁹.

Вместе с тем государство не могло полагаться только на сознательность граждан и довольствоваться исключительно их доброй волей в решении кадрового вопроса. Новые Указы советского правительства регламентировали формы привлечения граждан в обще-

ственное производство и способы возмещения потерь рабочего времени.

23 июля 1941 г. СНК СССР утвердил постановление «О предоставлении Совнаркомом республик и краевым (областным) исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу», позволявшее перераспределять рабочую силу в интересах развития военного производства³⁰.

26 декабря 1941 г. рабочие и служащие оборонной промышленности были переведены на положение мобилизованных и закреплены для постоянной работы за предприятиями, на которых они работали. В необходимых случаях указанные рабочие подлежали обязательной эвакуации. Самовольно ушедшие с производства и «злостные прогульщики» считались «дезертирами трудового фронта» и наказывались исправительно-трудовыми работами в лагерях и колониях на срок от 5 до 8 лет. Если в результате допущенной халатности на предприятии происходили крупные аварии, то виновные приговаривались к расстрелу. Эти дела рассматривались Военными трибуналами³¹.

Кроме того, в целях обеспечения рабочей силой важнейших предприятий и строек военной промышленности и других отраслей народного хозяйства, работавших на нужды обороны, 13 февраля 1942 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве». Согласно этому документу мобилизация признавалась безусловно необходимой. Уклонявшиеся от нее лица привлекались к уголовной ответственности – к принудительным работам по месту жительства на срок до одного года³².

Как видим, мобилизация и мобилизационный набор стали основными формами вовлечения граждан в народное хозяйство в военный период. В целом, за первое полугодие 1942 г. по стране благодаря принятым мерам было мобилизовано около 1,5 миллиона новых

рабочих³³. Только по городу Казани к маю 1942 г. в промышленность влилось 5,5 тысяч человек, а за все время войны – около 15 тысяч³⁴. Всего в республиканской промышленности, по подсчетам З.И. Гильманова, было занято 115574 рабочих³⁵.

Однако, судя по архивным документам, при организации трудовых мобилизаций руководители предприятий сталкивались с целым рядом проблем. В частности, определенными трудностями при формировании необходимого контингента рабочих в республиканской промышленности создавали местные районные военные комиссариаты. Желая в срок отчитаться о мобилизации людей на фронт, они в нарушение действующих приказов и указаний, призывали в Красную Армию рабочих военной промышленности, состоящих на специальном учете, на которых действовала бронь. Например, Молотовским райвоенкоматом в мае 1942 г. незаконно были отобраны приписные свидетельства у рабочих завода № 387 А.М. Титова и М.Н. Леонтьева при проверке документов на рынке. Несмотря на разъяснения о том, что они временно освобождены от мобилизации, документы рабочим не были возвращены.

Или другой факт: Сталинский райвоенкомат отобрал документы у рабочего, столяра 7 разряда А.Н. Буханова, признанного не пригодным к военной службе по состоянию здоровья. Но на очередном медицинском освидетельствовании эта ситуация была пересмотрена в пользу военного ведомства и Буханова зачислили в команду, хотя он по своей профессии и квалификации подлежал бронированию³⁶. Понятно, что произвол и своеволие работников военкоматов нарушали нормальную работу предприятий, вызывая необходимость терять время и силы, отстаивая интересы производства.

Не всегда целесообразность и здравый смысл при проведении трудовых мобилизационных кампаний являлись приоритетом и в работе высших руководящих инстанций. Так, в апреле

1942 г. директор завода № 22 Окулов сообщал в Татарский обком ВКП(б) о том, что предприятию недостает 3200 рабочих и просил ходатайствовать перед правительством республики о проведении мобилизации рабочей силы. При этом республиканское Управление трудовых резервов обязало администрацию завода снять с производства 139 учеников ремесленного училища, находящихся на практике, и передать их заводу №16. Причем ранее подобный маневр уже был осуществлен в отношении 58 учеников³⁷. Казалось бы, в случае, когда заводу № 22 не доставало своих собственных рабочих, не следовало переводить на другое место работы молодых людей, только что получивших навыки самостоятельной производственной работы именно на данном предприятии!

Существенные ошибки допускала и администрация предприятий, не принимавшая должных мер для привлечения на производство специфического контингента, такого, как женщины с детьми и не желавшая организовывать для их работы надлежащих условий, например, через открытие дополнительных детских учреждений. В этом отношении показательна ситуация, в которой оказалось руководство завода № 22 в 1942 г. Испытывая большую потребность в квалифицированной рабочей силе, администрация предприятия отказалась в свое время от привлечения на завод женщин из числа местного населения, считая эту меру неоправданно затратной, и обратилось в соответствующие инстанции с просьбой покрыть дефицит рабочей силы из внешних источников. Государственный Комитет Обороны (ГКО) спустил разрядку о мобилизации на завод 3 тыс. человек из местного населения. Фактически же на предприятие пришло только 360 человек. Предполагалось также, что 2,5 тыс. человек прибудет из Краснодара, но фактически приехало 800 человек, причем в большинстве своем женщины с детьми. В итоге руководство предприятий все равно вынуждено было со-

ответствующим образом решать вопрос с созданием детских яслей и садов, чтобы удовлетворить потребности в рабочих кадрах³⁸. Как видим, в данном случае неадекватная политика руководства завода создала предприятию дополнительные сложности. Если бы на заводе сразу озаботились организацией детских учреждений, возможно, тогда и помощь Москвы не потребовалась бы.

Однако даже положительное решение кадрового вопроса само по себе еще не являлось залогом успешной работы промышленных предприятий. Необходимо было так организовать труд людей, чтобы обеспечить необходимые для фронта производственные объемы. Методы стимулирования рабочих были разными. Первоначально преобладали формы морального поощрения. О лучших производственниках сообщалось в газетах, их портреты вывешивались на Доски почета, выпускались агитационные плакаты, отчетные трудовые листки и т.п. Широкое распространение получили инициированные властями различные формы социалистического соревнования, движения двух-трех и более сотников, многостаночников, совмещающих несколько профессий и т.д. Во многих случаях это действительно срабатывало. По всей республике «гремели» имена зачинательницы движения двухсотников в Татарстане, закройщицы юфти Казанского комбината «Спартак» Н. Хабибуллиной, пятисотницы М. Юсуповой, шестисотниц Бикмуллиной, Сайфутдиновой, тысячников Ф. Абдрахманова, С. Хидиятуллина и др. В некоторой степени применялись и меры материального характера: перевыполняющие нормы выработки получали большую заработную плату, поощрялись талонами на приобретение товаров первой необходимости: отреза на платье, ботинок, костюма, верхнего пальто и т.д.

Но доминирующими все же в военное время являлись принудительные методы. Принятые в стране нормативно-правовые акты, направленные на укрепление дисциплины и порядка в произ-

водственной сфере, предоставляли администрациям заводов и фабрик большие полномочия, в связи с чем так называемые трудовые репрессии на предприятиях стали обычной практикой.

Особенно суровые меры применялись по отношению к рабочим, нарушившим основные положения Указа Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. Уже к 23 февраля 1942 г. в производстве Военного трибунала войск НКВД ТАССР находилось 176 дел³⁹. Судя по архивным источникам количество нарушителей и дезертиров в течение военных лет в республике было разным. В 1942 г. отмечается некоторое сокращение дел, в 1943 г. — имеет место небольшой подъем, в 1944 г. снова наблюдается количественное уменьшение дел. Например, в течение двух кварталов 1944 г. в производстве Военного трибунала ТАССР находилось только 4659 дел на дезертиров, тогда как за этот же период 1941 г. были заведены и переданы в судебные органы дела на 11552 нарушителей трудовой дисциплины⁴⁰.

Рабочие в основном наказывались за опоздания, преждевременный уход с предприятий, сон на работе, явку в нетрезвом виде, отказ от выполнения сверхсрочных заданий и т.п.

Сокращение дел на нарушителей трудовой дисциплины, на наш взгляд, можно объяснить несколькими обстоятельствами, причем как объективного, так и субъективного свойства: во-первых, усиливалась патриотическая составляющая, лозунг «в труде, как в бою» становился для рабочих приоритетным; во-вторых, дирекция предприятий при напряженном графике работы не всегда находила время на разбирательство каждого конкретного случая и не хотела «подставлять» себя (напомним, за каждый «срыв» руководитель учреждения нес личную ответственность); в-третьих, ключевую роль играл так называемый человеческий фактор, когда директора некоторых предприятий шли навстречу рабочим и не предавали огласке даже ставшие известными им факты.

Еще более остро, чем в промышленности и на транспорте, кадровый вопрос стоял в сельскохозяйственном производстве Татарстана, игравшем важную роль в деле обеспечения продовольственными и сырьевыми ресурсами нужд страны и армии. По оценкам специалистов, количество сельского трудоспособного населения в нашем регионе за годы войны сократилось более чем на одну треть⁴¹, при этом доля нетрудоспособных — возросла. Достаточно сказать, что если в 1940 г. в колхозах Татарстана насчитывалось 1712 тыс. человек всего наличного населения, из них трудоспособные в колхозах составляли 717,2 тыс. человек (41,9%), то к 1944 г. общее количество населения уменьшилось до 1415 тыс. человек, но доля трудоспособных сократилась гораздо более значительно, достигнув 461,6 тыс. человек (32,6% ко всему наличному населению на этот отрезок времени). Только в 1945 г. наблюдается некоторое увеличение и общего количества населения, и числа трудоспособных в колхозном производстве республики (соответственно, 1437 тыс. и 510,2 тыс. человек), но довоенного уровня рассматриваемые показатели так и не достигли⁴².

К этому следует добавить, что, к сожалению, даже имевшееся в наличии сельское население не могло быть использовано в аграрном производстве в полной мере, т.к. именно жители сельской местности служили основным источником восполнения рабочей силы для республиканских предприятий и подлежали мобилизациям в промышленность, согласно спущенным сверху разнарядкам. Также сельчане служили «резервуаром людских ресурсов» для пополнения системы государственных трудовых резервов. Они же, как правило, привлекались для выполнения неотложных работ оборонного характера. Конечно, в определенной степени аграрное хозяйство выручали эвакуированные, размещенные в колхозах и совхозах республики, но это явно было недостаточно. В итоге ру-

ководящие органы вынужденно прибегали к уже апробированным методам, вовлекая в сельское хозяйство ранее незанятое в колхозном строительстве население. Вся тяжесть сельскохозяйственных работ лежала на плечах женщин-домохозяек, престарелых колхозников и подростков.

Основным средством активизации человеческого потенциала являлись методы убеждения: в колхозах, совхозах и МТС проводились митинги, периодическая печать регулярно освещала наиболее яркие примеры патриотических начинаний тружеников села. В частности, центральная республиканская газета «Красная Татария» сообщала своим читателям о почине колхозницы артели «Кзыл Метески» Казанбашской МТС Ахметовой, которая проводив мужа на фронт, вернулась на работу в качестве трактористки⁴³. Ее примеру последовали Анна Уланова, Екатерина Прокофьева из колхоза им. «12 лет Октября» Высокогорского района, Нурия Загретдинова из артели им. Орджоникидзе Первомайского района и другие⁴⁴.

Не отставали от взрослых и школьники. Детский труд особенно широко использовался на прополке, сенокосе, молотье, уборке урожая и т.д., в связи с чем учебный год во многих сельских школах начинался позже положенного. Более того, в ноябре 1941 г. Татарский обком ВКП(б) принял специальное постановление об организации обязательного обучения учащихся сельскохозяйственным профессиям для оказания организованной помощи рабочей силой колхозам и совхозам. Согласно документу, оно вводилось в 6–10 классах сельских средних школ, 8–10 классах городских средних школ, на всех курсах техникумов и вузов⁴⁵.

Широко тиражировался и популяризировался в республике передовой опыт работы пожилых колхозников. Так, в докладной записке, посланной на имя секретаря обкома ВКП(б) из Альметьевского района Татарстана, отмечалось, что уже в июле 1941 г. число

работников колхоза «Зай» дополнили 49 пенсионеров, «Ярыш» — 37, «Ирек» — 35, им. Ворошилова — 23 человека⁴⁶. В Акташском районе на работу в поле вышел даже 85-летний Фома Белоногов из сельхозартели «Красная горка», заявив при этом: «Пока у меня есть силы, без дела сидеть не могу»⁴⁷. По официальным данным, удельный вес трудодней, которые выработывали в колхозах престарелые граждане, составлял от 7 до 9% к общему количеству выработанных трудодней⁴⁸.

В результате вовлечения в аграрное производство домохозяек, пожилых колхозников и подростков в некоторых хозяйствах республики на уборочных работах в 1941 г. участвовало даже большее количество людей, чем на сельхозработах до начала войны. В колхозе «Ворошиловец» Заинского района до войны на работу выходили 140–150 человек, с начала войны стали выходить 350–400 человек, в колхозе «Уньшиген» того же района число работающих увеличилось со 100 до 150 человек. В Ципьинском районе республики в 1941 г. на сельскохозяйственные работы вышли 345 пожилых колхозников и колхозниц, не принимавших участия в аграрном производстве в предыдущем году⁴⁹. Причем большинство из них показывали образцы самоотверженности при выполнении плановых заданий.

Правда, наряду с высоким патриотическим подъемом в республике были отмечены и случаи недовольства тех, кто не мог осилить жесткий режим военного времени. В докладных записках правоохранительных органов зафиксированы такие высказывания колхозников, как, например: «Я не стальной, чтобы ночью работать, мне нужно отдохнуть», или «Что вы ко мне пристаёте, я вам под козырек не взял»⁵⁰ и др. Каждый подобный случай являлся предметом специального разбирательства. А замеченные в нарушении производственной дисциплины сельчане карались по всей строгости закона. По состоянию на 15 октября 1941 г., за отказ от трудовой повинности на уборке

урожая в колхозах и совхозах республики к уголовной ответственности было привлечено 57 человек. Из них судами были рассмотрены дела на 39 человек. Меры наказания были определены достаточно строгие: 5 лет лишения свободы — на 11 чел., 4 года — на 7 чел., 3 года — на 4 чел., 2 года — на 10 чел., 1,5 года — на 2 чел., 1 год — на 3 чел., 1 год исправительно-трудовых работ — на 1 чел., 1 год условно — на 1 человека⁵¹.

В целом, жесткая организация труда в аграрном производстве и применение методов силового давления на людей приносили определенные результаты. К 1943 г. число сельчан, не выработавших обязательного минимума трудовой, сократилось по сравнению с довоенным уровнем на одну треть, число выработавших от 300 до 400 трудовой увеличилось вдвое, а свыше 400 — в три раза⁵².

Конкретные цифровые показатели приводятся в работе Е.Г. Кривоножкиной. Она указывает, что в 1942 г. не выработали обязательного минимума трудовой 48056 колхозников, в 1943 г. — 44005 человек, что составляло соответственно 9,3% и 9,5% к числу всех трудоспособных в хозяйствах республики⁵³. Но, согласно нашим подсчетам, в отдельных районах статистика нарушений трудовой дисциплины была еще выше. Например, в Дрожжановском районе Татарстана в 1942 г. из 13395 трудоспособных колхозников не выработали положенной нормы 2024 человека, в 1943 г. — уже 4554 человека, что в процентных значениях выразилось как 15% и 34%⁵⁴.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что применяемые по отношению к аграриям чрезвычайно-репрессивные меры во многих районах не могли решить проблему дефицита рабочей силы, особенно в период проведения таких масштабных сельскохозяйственных кампаний, как сев или уборка урожая. В таких случаях руководящие органы республики привлекали на помощь колхозам и совхозам трудоспособное

население городов. Так, осенью 1941 г. коллектив Казанского мехкомбината выступил с обращением ко всем фабрикам и заводам Казани восстановить традицию шефства города над селом и вовремя, без потерь, собрать военный урожай. В августе 1941 г. из Казани на поля колхозов и совхозов выехали около 6 тыс. человек⁵⁵. К примеру, завод «Серп и молот» установил шефство над колхозом «Алга» Дубьязского района, валяльно-обувная фабрика — над Арской МТС, льнокомбинат и шорная фабрика — над рядом колхозов Билярского района и т.д.⁵⁶

Желая придать этому процессу более организованный и централизованный характер, в сентябре 1941 г. СНК ТАССР своим специальным постановлением ввел на сельхозработы трудовую повинность для всего трудоспособного населения городов, городских поселков и сельских поселений, включая учащихся. По существу, именно эта новая форма привлечения граждан республики на общественные работы стала первым по времени проявлением военизированного, мобилизационного подхода к решению кадрового вопроса.

В апреле 1942 г. обязательный порядок организации помощи сельскому хозяйству был законодательно закреплен в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» и Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или самовольный уход мобилизованных с работы». По данным Российского государственного архива социально-политической истории в Москве, общее количество привлеченных для работы в колхозах и совхозах ТАССР учащихся, служащих и рабочих в период сельскохозяйственной кампании 1942 г. составило 45 тысяч человек⁵⁷.

Главное отличие трудовой повинности от государственных централизован-

ных мобилизаций заключалось в сезонном характере этих работ. Как правило, метод повинности применялся при заготовке топлива, на очистке железных дорог от снега, в жилищном строительстве. Подобным же принудительным образом организовывались гужевые работы в период осенне-зимних лесозаготовок, в железнодорожном строительстве и т.д. В частности, в июле 1941 г. на строительство дороги Казань-Бугульма было направлено 100 колхозников и 20 подвод из Арского района, 40 колхозников и 10 подвод — из Атнинского и т.д.⁵⁸ В общей сложности, на данном строительстве было задействовано 17 тыс. колхозников и 7 тысяч подвод⁵⁹. В феврале 1942 г. специальным постановлением ГКО народному комиссариату внутренних дел во главе с Л.П. Берия было поручено строительство железнодорожной линии Свияжск — Ульяновск, которая должна была пройти через территорию Буинского района Татарстана. При выполнении этих работ тоже был использован метод трудовой повинности.

Применение различных видов трудовой повинности настолько прочно вошло в практику деятельности местных руководящих органов, что возникла необходимость в их официальной регламентации. 10 августа 1942 г. Совнарком СССР своим постановлением «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» окончательно узаконил возможность ее применения. По данному документу разрешалось привлечение населения на срок до двух месяцев с целью выполнения временных, неотложных оборонных работ. После обнародования официальных указов о легитимности применения трудовой повинности, эта мера получила еще большее распространение.

Особая страница в истории Татарстана военных лет — это сооружение Волжского оборонительного рубежа. Возведение его запомнилось жителям республики как наиболее массовые, одновременно героические и поистине каторжные работы. Здесь применялись

все формы привлечения населения: и мобилизация, и трудовая повинность. Решение о начале строительства было принято Государственным Комитетом Обороны осенью 1941 г. в связи со стратегической обстановкой на фронте. Исключительно опасное положение, создавшееся под Москвой, потребовало подготовки территории на случай распространения военных действий с целью недопущения продвижения противника в тыл страны.

По схеме трасса рубежа протяженностью около 350 километров должна была пройти по землям трех автономных республик — Татарской, Марийской и Чувашской. На территории нашей республики оборонительные сооружения располагались полукольцом вокруг Казани и проходили от деревни Покровское на берегу р. Волги через станцию Урмары, райцентр Кайбицы, райцентр Апастово к г. Куйбышеву⁶⁰.

Мобилизация на работы началась в октябре 1941 г. по распоряжению Казанского городского комитета обороны. В первую очередь привлекались жители Казани и тех районов, по территории которых проходил «Казанский обвод»: Больше-Тарханского, Апастовского, Кайбицкого, Буинского, Тетюшского. Затем начали использовать труд колхозников близлежащих к строительству районов. Всего мобилизационные наряды были разосланы по 28 районам Татарстана, причем задания устанавливались разные. Например, Буинский район должен был выполнить наряд на 10 тыс. человек, Кайбицкий — на 9300. Более удаленные от строительства районы предоставляли меньшее количество людей: Балтасинский — 3 тыс. человек, Ципьинский — 2 тыс., Высокогорский — тоже 2 тыс.⁶¹ Казань по плану должна была дать строительству 65 тыс. человек: были задействованы студенты, рабочие промышленных предприятий, школы ФЗО.

Но реальная картина отличалась от той, что наметили вышестоящие органы. Спущенные сверху наряды не всегда и не везде выполнялись в полном

объеме. Достаточно сказать, что только по Казани объем недопоставок рабочей силы составлял более 50%. К 11 ноября на работы прибыло лишь 31,5 тысяч человек, среди которых были инвалиды, больные, калеки, беременные⁶². Аналогичное положение наблюдалось и по районам Татарстана. Основной причиной недопоставок рабочей силы была несбалансированность действий между руководством строительства и представителями районных администраций. Зачастую необходимое количество рабочих рук колхозы выделить были просто не в состоянии в силу того, что иначе некому было бы завершать осенние полевые работы. Например, в Буинском районе при наличии всего 13931 трудоспособных человек 10 тысяч подлежали мобилизации. После обращения в Татарский обком ВКП(б) объем наряда был пересмотрен в сторону уменьшения. В итоге Буинский район поставил на строительство «Казанского обвода» только 6128 человек. Те же обстоятельства были учтены и при снижении объема поставки людей по Кайбицкому району – с 9300 до 6 тысяч⁶³.

Но даже по сниженным нарядам набрать необходимое на строительство число людей было сложно. К тому же условия, в которых работали и жили прибывшие, были чрезвычайно тяжелые. Не хватало продовольствия, изнашивались одежда и обувь, не было в достаточном количестве строительных инструментов⁶⁴. Многие не выдерживали физически изнуряющего труда и, несмотря на угрозу уголовного наказания за дезертирство, все же предпочитали бегство. Кроме того, организации и учреждения иногда практиковали отзыв рабочих с рубежа без замены их новыми трудовыми резервами. Только благодаря запрету на такого рода действия для администраций предприятий и проведению дополнительной мобилизации контингент работающих был восстановлен. К 15 декабря 1941 г. на строительстве удалось сосредоточить 108 тыс. человек⁶⁵. Это – максимальное число задействованной по Татарстану

рабочей силы за весь период работ. В целом, сооружение «Казанского обвода» было завершено через четыре месяца, протяженность воздвигнутого рубежа составила 331 километр⁶⁶. Но в памяти мобилизованных на его строительство еще долго сохранялась обида на власти, не сумевших должным образом организовать нормальные социальные условия, питание и проживание присланных на работы граждан⁶⁷.

Анализируя формы и виды трудовых мобилизаций, отдельно следует остановиться на вопросе об их дифференциации. В зависимости от привлечения рабочей силы из внутренних или внешних источников, трудовые мобилизации подразделялись по территориальному признаку на внутрирегиональные и межрегиональные. Руководящими инстанциями в централизованном порядке на места спускались плановые задания, определявшие количество людей, подлежащих мобилизации, сроки ее проведения, места назначения.

Так, в соответствии с указаниями вышестоящих органов население Татарской АССР направлялось для работы на торфоразработки, в шахты, на лесозаготовки и т.п. Например, на торфоразработки в Горьковскую, Ивановскую и Московскую области из ТАССР были мобилизованы 6454 человека, на Дулевские торфоразработки – 300 человек⁶⁸. Почти 20 бригад из татарских девушек и женщин работали на Туголесских торфяных предприятиях, недалеко от Москвы⁶⁹. Жители республики также были отправлены на угольные шахты, сталинградское предприятие стройматериалов, златоустовский завод и другие предприятия. В общей сложности, количество людей, подлежащих общей мобилизации по Татарской АССР, включая торфоразработчиков, в 1943 г. составляло 26336 человек⁷⁰.

При этом сам Татарстан остро нуждался в дополнительной рабочей силе. Проведение межрегиональной мобилизации вызывало большое недоумение среди населения. Но на резонный вопрос: «Зачем вывозить людей, ког-

да есть потребность на ввоз рабочей силы?» — ответа никто не давал. Аналогичная ситуация с перераспределением рабочей силы наблюдалась не только в нашей республике, но и имела место в Башкирской АССР, Удмуртской АССР, уральских областях и многих других⁷¹.

Эффективность такого рода шагов представляется сомнительной, т.к. далеко не всегда оправдывала усилия власти по передислокации людей на новое место жительства и работы. Например, явным просчетом со стороны руководящих органов страны обернулась мобилизация в среднюю полосу России среднеазиатских рабочих. В Татарскую АССР в связи с выполнением планов по межрегиональной мобилизации, в феврале 1943 г. тоже были завезены 1112 рабочих из Средней Азии (узбеков, таджиков, казахов и др.)⁷². В советской историографии этот факт всегда преподносился как пример укрепления дружбы народов, братской взаимопомощи союзных республик в работе тыла. Но обнаруженные в архивах документы, открывающие неприглядную картину реальной жизни мобилизованных, заставляют задуматься о том, насколько необходимы и оправданы были эти меры?

Уже через месяц пребывания среднеазиатских рабочих, на заводе им. В.И. Ленина, куда они изначально были определены, осталось всего 924 человека, 188 из них выбыло по различным причинам, в т.ч.: было передано другим заводам 14 человек, дезертировало с предприятия 53 человека, отправлено на родину по болезни 54 человека, мобилизовано в РККА — 36 человек и умерло 31 человек⁷³. Особенно обращает на себя внимание большой процент заболевших и умерших рабочих. В отчетах местные власти сообщали, что прибывающие из Средней Азии люди в большинстве своем ослабленные, больные, непривычные к суровым климатическим условиям.

По прибытии ответственность за организацию размещения мобилизован-

ных рабочих, их материально-бытовое обеспечение возлагалась на руководство предприятий, к которым они были прикреплены. Однако с сожалением приходится констатировать, что в большинстве случаев местная номенклатура оказалась не готова ни к трудовому, ни к социальному обустройству специфического рабочего пополнения. Поэтому в массе своей неквалифицированные кадры были задействованы главным образом на подсобных и транспортных работах (чернорабочими на заводах, на погрузке и выгрузке лесоматериалов и т.п.).

Условия проживания и питания рабочих также оставляли желать много лучшего. Приезжие жили в полуподвальных бараках с двухъярусными нарами, иногда — без них, так что спать приходилось на голом полу. Питание «было организовано плохо и однообразно, в малом количестве»⁷⁴. Отсутствие воспитательной работы, крайне неудовлетворительные бытовые условия порождали среди рабочих нездоровые настроения. Производительность труда была крайне низкой. Большинство работало только по принуждению. К концу 1943 г. неэффективность трудового использования данной группы рабочих стала вполне очевидной для центральных властей. Поэтому начиная с 1944 г. по указанию СНК СССР началась общая демобилизация рабочих из Средней Азии и отправка их на родину.

Подведем итоги: итак, развернувшаяся в годы Великой Отечественной войны масштабная мобилизация мужчин на фронт создала огромный дефицит рабочих кадров в тылу. Но необходимость оперативного наращивания экономического потенциала заставила руководство страны и республики искать эффективные пути и способы его преодоления. Для решения кадрового вопроса в советском государстве были задействованы все рычаги, имевшиеся в распоряжении органов. С одной стороны, широкое распространение получила практика апеллирования к сознательности людей, важности выполне-

ния ими гражданского долга — с этим связано использование формы добровольного вовлечения граждан в общественное производство. С другой стороны, в военный период были приняты специальные указы и постановления правительства, которые регламентировали формы и методы привлечения населения к труду, а также меру ответственности граждан за неисполнение законов военного времени. На наш взгляд, система этих чрезвычайных мер свидетельствовала о том, что властные структуры совершенно явно убеждению предпочитали методы принуждения. Так гораздо легче было организовать производство и обеспечить приток в народное хозяйство новых рабочих рук. Основными формами вовлечения трудовых резервов в годы войны являлись: мобилизация, мобилизационный набор, трудовая повинность. Добровольно-принудительный характер их проведения позволял пополнять общественное производство рабочей силой на плановой основе через административный ресурс.

В общей численности занятых в общественном производстве Татарстана заметно стали преобладать женщины и молодежь. Количество женщин на промышленных предприятиях республики возросло с 37132 человек (33,1%) в 1941 г. до 83667 человек (53,8%) в 1944 г. В аграрном секторе Татарстана число женщин, задействованных в колхозном производстве, увеличилось с 666271 человека (54%) в 1940 г. до 987070 человек (80%) в 1944 г.⁷⁵

Значительную часть новых рабочих рук обеспечивала допризывная молодежь. В 1942 г. практически на всех предприятиях Казани молодежь составляла около или более половины от наличного числа работающих⁷⁶. Как уже упоминалось, в основном это была заслуга системы Государственных трудовых резервов, которая за 1940-1942 гг. возросла весьма значительно: количество ремесленных и железнодорожных училищ увеличилось с 6 до 14, а школ ФЗО — с 10 до 27. Ежегодно на протяже-

нии всех военных лет эта система выпускала в Татарстане более 13 тысяч молодых квалифицированных рабочих по 53 различным специальностям. В совокупности за все время войны здесь для предприятий республиканской оборонной промышленности было подготовлено 49261 молодых рабочих⁷⁷.

Существенно возросло и количество детей и подростков, занятых в колхозах и совхозах республики. Тем более что специальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» легитимировало привлечение в аграрный сектор детей уже с 12-летнего возраста⁷⁸.

В целом, оценивая государственную политику в области изыскания и использования трудовых резервов в республике в годы войны, следует подчеркнуть, что приоритетное значение для руководства Татарстана имело обеспечение рабочими кадрами промышленных предприятий и учреждений, нередко в ущерб другим отраслям народнохозяйственного комплекса. Мобилизационный подход позволял беспрепятственно выкачивать из деревни все новые и новые потоки людских ресурсов, что в итоге весьма негативно отразилось на общем состоянии сельского хозяйства. В условиях хронической нехватки рабочих рук сохранить объемы аграрного производства оказалось совершенно невозможно, в то время как валовая продукция промышленности только увеличивалась.

Это подтверждают и статистические итоговые показатели функционирования военной экономики Татарстана. За 1941–1945 гг. валовая продукция промышленности республики увеличилась почти в 2,2 раза, составив к 1945 г. 219%⁷⁹. Преимущественное развитие получила крупная металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность, удельный вес которой составил более 2/3 всей индустриальной продукции республики. Татарстан поставлял фронту свыше 600 наименований оружия, боеприпасов, снаря-

жения. Легкая промышленность производила для фронтовиков почти 200 наименований одежды, обуви, вещевого обмундирования. При этом аграрное хозяйство республики, по объективным обстоятельствам, не смогло ни за один год войны реализовать определенные для него объемы государственных поставок. И, тем не менее, сель-

чане Татарстана, благодаря невероятному напряжению сил и воли, смогли за военный период произвести и передать государству для продовольственного и сырьевого обеспечения фронта и тыла 131 млн. пудов хлеба, 39 млн. пудов картофеля и овощей, 56 млн. пудов мяса, 200 млн. литров молока и другой продукции⁸⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Вознесенский Н.А.* Военная экономика в период Отечественной войны. — М., 1948. — С. 37.

² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. — М., 1957. — С. 707–712.

³ Урал — фронту. — М., 1985. — С. 45.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 91. Л. 42.

⁵ Татария в период Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов. — Казань, 1963. — С. 59–61.

⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 129. Л. 168.

⁷ См. стат. сб.: Татарская АССР за 40 лет. — Казань, 1960. — С. 15; Народное хозяйство Татарской АССР к 50-летию со дня образования. — Казань, 1970. — С. 8; Республика Татарстан: 1920–2000. — Казань, 2001. — С. 40.

⁸ Историко-демографическая характеристика населения Татарской АССР в предвоенные и военные годы стала предметом серьезного и глубокого исследования в целом ряде недавно вышедших трудов в виде кандидатских диссертаций, что освобождает нас от подробного рассмотрения данного вопроса. В этих работах основательно представлена динамика численности населения в городах и сельских районах республики: изучены миграционные процессы, переселенческая политика и т.д. См.: *Кривоножкина Е.Г.* Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ...канд. ист. наук. — Казань, 2001; *Ханипова И.И.* Сельское население ТАССР в конце 1930-х — начале 1940-х гг.: социально-демографические аспекты: дис. ...канд. ист. наук. — Казань, 2005; *Сакаев В.Т.* Городское население ТАССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: дис. ...канд. ист. наук. — Казань, 2008.

⁹ См.: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 3. Д. 1599. Л. 17–18; Ф. 15. Оп. 4. Д. 1166. Л. 12, 18, 23.

¹⁰ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 13. Д. 141. Л. 80; *Тагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). — Казань, 1999. — С. 319.

¹¹ *Кривоножкина Е.Г.* Указ. раб. — С. 35. Следует отметить, что Тагиров И.Р. указывает другую цифру прибывших в сельскую местность ТАССР, а именно — 54,1 тыс. человек. — См.: *Тагиров И.Р.* Указ. раб. — С. 319.

¹² НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 508. Л. 15.

¹³ *Тагиров И.Р.* Указ. раб. — С. 319; *Сакаев В.Т.* Указ. раб. — С. 39.

¹⁴ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3637. Л. 649.

¹⁵ Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945): Сб. документов и материалов. — Казань, 1963. — С. 35.

¹⁶ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3638. Л. 49.

¹⁷ Там же. Л. 18.

¹⁸ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3635. Л. 26.

¹⁹ *Гильманов З.И.* Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны. — Казань, 1977. — С. 78.

²⁰ НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 508. Л. 183.

²¹ *Кривоножкина Е.Г.* Указ. раб. — С. 39.

²² *Гильманов З.И.* Указ. раб. — С. 78.

²³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — М., 1967. — Т. 2. — С. 757–758.

- ²⁴ Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны. — М., 1944. — С. 52.
- ²⁵ *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья. Вып. 1. — М., 1994. — С. 68.
- ²⁶ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944. — М., 1945. — С. 149.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. — М., 1957. — С. 725; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-е 9. Т. 7. — М., 1985. — С. 281–282.
- ²⁹ *Кабирова А.Ш.* Женщины Татарстана на фронте и в тылу. — Казань, 1995. — С. 22.
- ³⁰ Трудовое законодательство военного времени. — М., 1943. — С. 8–9.
- ³¹ Правда. — 1941. — 27 декабря.
- ³² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. — М., 1945. — С. 247–248.
- ³³ *Сухаревский Б.* Организаторская работа в тылу. — М., 1943. — С. 39.
- ³⁴ *Гильманов З.И.* Указ. раб. — С. 85.
- ³⁵ Там же. — С. 82.
- ³⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 586. Л. 112.
- ³⁷ Там же. Л. 87.
- ³⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 840. Оп. 1. Д. 251. Л. 38.
- ³⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 472. Л. 38–39.
- ⁴⁰ Там же. Д. 147. Л. 1–7.
- ⁴¹ Советская Татария. — 1975. — 25 марта.
- ⁴² *Арутюнян Ю.В.* Указ раб. — С. 391; *Гильманов З.И.* Указ раб. — С. 171; *Кривоножкина Е.Г.* Указ. раб. — С. 276.
- ⁴³ Красная Татария. — 1941. — 29 июня.
- ⁴⁴ Правда. — 1941. — 27 июня.
- ⁴⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 105. Л. 2.
- ⁴⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 181. Л. 17.
- ⁴⁷ Маяк. — 1964. — 10 мая.
- ⁴⁸ *Теряева А.П.* Труд в колхозах во время Великой Отечественной войны. — М., 1947. — С. 18.
- ⁴⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 353. Л. 130.
- ⁵⁰ Там же. Д. 143. Л. 66.
- ⁵¹ Там же. Д. 147. Л. 160.
- ⁵² *Гильманов З.И.* Указ. раб. — С. 157–158.
- ⁵³ *Кривоножкина Е.Г.* Указ. раб. — С. 215.
- ⁵⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 698. Л. 20. Абсолютные значения высчитаны автором.
- ⁵⁵ *Гильманов З.И.* Указ. раб. — С. 137.
- ⁵⁶ *Вовченко Г.Л.* Труд женщин на промышленных предприятиях Татарии в годы Великой Отечественной войны //Тр. института / Казанский химико-технологический институт. — 1960. — Вып. 28. — С. 102.
- ⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 133. Л. 31–32.
- ⁵⁸ Красная Татария. — 1941. — 26 июля.
- ⁵⁹ *Тагиров И.Р.* Указ раб. — С. 329.
- ⁶⁰ *Иванчиков П.А.* Мобилизация населения Республики Татарстан на сооружение оборонительного рубежа «Казанский обвод» //Материалы науч.-практ. конф. «Московская и Сталинградская битвы – поворотные события Великой Отечественной войны». — Казань, 2007. — С. 83.
- ⁶¹ Там же. — С. 86.
- ⁶² *Сакаев В.Т.* Участие населения и органов власти Татарской АССР в строительстве Волжского оборонительного рубежа // Научный Татарстан. — 2010. — № 2. — С. 50, 52.
- ⁶³ *Иванчиков П.А.* Указ раб. — С. 88.
- ⁶⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 243. Л. 36–37.
- ⁶⁵ Там же. Д. 481. Лл. 5, 27.
- ⁶⁶ Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Казань, 2009. — С. 152.

- ⁶⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 243. Л. 55-55 об.
⁶⁸ НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 515. Л. 164.
⁶⁹ Азат хатын. – 1974. – № 6. – С. 6-7.
⁷⁰ НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 515. Л. 166.
⁷¹ *Палецких Н.П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск, 1995. – С. 15.
⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 232. Л. 107.
⁷³ Там же.
⁷⁴ Там же. Л. 108.
⁷⁵ *Кабирова А.Ш.* Указ раб. – С. 21.
⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 181. Л. 55.
⁷⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 26. Д. 199. Л. 5; *Калишенко Д.Ф.* Патриотизм трудовых резервов ТАССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 1950. – С.68; *Ханин Л.И.* Патриотический подвиг комсомольцев и молодежи Татарии в Великой Отечественной войне Советского Союза: дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 1966. – С. 84.
⁷⁸ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938-1946 гг. – М., 1948. – С. 310–311.
⁷⁹ Татарстан в годы Великой Отечественной войны... – С. 174.
⁸⁰ Татарстан. Вехи истории. 1920-2010. – Казань, 2010. – С. 65.

Аннотация

Статья посвящена изучению законодательных актов властных структур в трудовой сфере в годы Великой Отечественной войны и формам их реализации в Татарстане. Автор отмечает особую злободневность и остроту кадрового вопроса в республике в начальный период войны, рассматривает степень участия государственных органов в его решении, анализирует формы трудового участия граждан в общественном производстве Татарстана в военный период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Республика Татарстан, трудовая политика, нормативно-правовые акты в трудовой сфере, властные структуры, общественное производство, трудовая мобилизация, трудовая повинность.

Summary

The article is devoted to the investigation of legislative acts in the sphere of labour issued by government bodies during the Great Patriotic War and forms of their implementation in Tatarstan. The author notes that the issues of human resources in the Republic were especially acute and critical in the initial period of the war; considers the extent of participation of state organs in solving them; analyzes personal labour participation of citizens in Tatarstan's social production during the war.

Key words: Great Patriotic War, Republic of Tatarstan, labour policy, legal and regulatory acts in the sphere of labour, government bodies, social production, labour mobilization, labour duty.